

УДК 39+728.03 (571.13)

КУЛЬТУРА ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ТАТАР ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОНЦЕ XIX–XX ВЕКА

Титов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и культурологии, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М. Ф. Решетнева (г. Красноярск, РФ). E-mail: evgeniytitov5@gmail.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с изучением культуры домостроительства локальной группы татар, проживающих на территории Тарского Прииртышья. На основании широкого круга полевых этнографических, архивных и литературных источников проводится анализ традиционной технологии устройства жилища и хозяйственных построек. В ходе исследования выявлены и представлены в работе данные об основных формах и типах построек бытовавших на протяжении периода конца XIX–XX веков у изучаемой группы. Кроме того, в статье предпринята попытка на основе имеющихся материалов представить динамику развития и функционирования культурных домостроительных традиций на протяжении указанного периода времени. Культура домостроительства рассматривается в контексте развития общей культурной традиции и этнической истории изучаемой группы.

Проведенное исследование показывает, что традиционное жилище тарских татар, сохранявшее свою актуальность в культуре домостроительства вплоть до конца XIX – начала XX века, уступает место более практичному в условиях смены хозяйственной деятельности и перехода к стационарному проживанию срубному однокамерному жилищу. Значительное влияние на традицию домостроительства татар оказали давние контакты с русским населением, а также татарами, переселяющимися с Поволжья.

В исследуемый период культура домостроительства татар Тарского Прииртышья, несмотря на некую трансформацию, сохранила в общих чертах традиционные элементы вплоть до конца XX века.

Ключевые слова: культура жизнеобеспечения, традиция, домостроительство, жилище, хозяйственные постройки.

HOUSEBUILDING CULTURE OF TATARS OF TARA IRTYSH REGION IN THE LATE XIX–XX CENTURY

Titov Evgeniy Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of Department of Advertisement and Culturology, Academician M. F. Reshetnev Siberian State Aerospace University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: evgeniytitov5@gmail.ru

The article on the basis of a wide range ethnographic archival field and references gives the analysis of homebuilding culture of Tatars' local group living in the territory of Tara Irtys region. The work presents information about the basic forms and types of buildings which were common during the period of the end of the XIX–XX centuries in the group study. The research made an attempt to present the dynamics of development and functioning of the cultural house-building traditions over a specified period of time on the basis of available material. Culture dispensation is considered in the context of common cultural traditions and group study of ethnic history. The study shows that the traditional dwelling of Tara Tatars remains relevant in the culture dispensation until the end of XIX – early XX century, afterwards gives way to a more practical change in the conditions of economic activity and the transition to a steady living carcass as a single chamber housing. In the analyzed period, we can speak about the functioning of the already formed relatively new to the Tatar population tradition of building the log buildings. At the same time, some elements of traditional dwellings preserved and continued to build. A direct impact on the cultural change dynamics associated with

the technology dispensation provided by natural geography. Significant impact on the Tatars homebuilding tradition had long contacts with the Russian population. In favor of borrowing the carcass technology is the fact that in the language of Tara Tatars it did not work out special terminology related to the construction technology and name of individual structural parts. At the same time, some elements of the sphere of culture were borrowed from the Volga Tatars, actively migrated to Tara Tatars towns since the middle of the XIX century. Perhaps the culture development in the dispensation of the studied population was influenced by the phenomenon of bilingualism.

Thus, the conducted research allows to say that during the studied period the Tara Irtysh region Tatars homebuilding culture despite some transformation, kept in general traditional elements up to the end of the XX century.

Keywords: culture of life support, tradition, housebuilding, housing and outbuildings.

Изучение культуры жизнеобеспечения различных народов имеет давнюю историю и помимо собственной ценности служит почвой для дальнейших обобщений историками, этнографами, археологами, культурологами, социологами, философами и т. д. Особое внимание всегда уделялось изучению таких основополагающих элементов культуры жизнеобеспечения, как поселения, жилища и хозяйственные постройки. В контексте интеграции различных научных дисциплин и их методов полученное знание приобретает возможность новой интерпретации. Изучение культуры домостроительства локальной группы татар Тарского Прииртышья особенно актуально в связи с серией этноархеологических изысканий, проводящихся в течение более чем двух десятилетий на базе Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

В работе представлено исследование культуры домостроительства татар Тарского Прииртышья в хронологическом отрезке конца XIX–XX веков. Источниковой базой исследования, во многом определяющей и его хронологические рамки, послужили, прежде всего, этнографические полевые материалы, собранные в период 1974–2006 годов этнографами под руководством Н. А. Томилова, С. Н. Корусенко, М. А. Корусенко, А. Г. Селезнева, хранящиеся в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (МАЭ ОмГУ). Первичные листы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года», хранящиеся в Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска» (ГУТО ГАТ), позволяют дать частичную характеристику построек татар Тарского

Прииртышья на конец XIX века. Некоторые данные о постройках содержат немногочисленные работы ученых XIX века, однако они посвящены тобольско-иртышским татарам в целом или «татарам тобольской губернии», а не интересующей нас группе тарских татар конкретно, поэтому использовать их возможно только с этой оговоркой.

Как показывают исследования культуры, в результате длительного функционирования у народа формируется некая стереотипная модель отдельных ее элементов. Не является исключением и сфера домостроительства. В связи с этим, к примеру, традиционное жилище, можно рассматривать как целостную систему – «идеальную модель», которая может модифицироваться в изменяющихся условиях [31, с. 20]. В то же время в культуре домостроительства наряду с длительным функционированием традиций происходят постоянные изменения, являющиеся отражением процессов адаптации и позволяющие ей сохранять свою актуальность в изменяющихся условиях. Как справедливо отмечает Н. А. Томилов: «грань между традиционными и новыми явлениями в общем-то всегда исторична... Инновации, как правило, в начальные моменты своего распространения и существования у какого-либо этноса не имеют этнических свойств. Но при более длительном бытовании они могут стать традициями и приобрести их свойства» [27, с. 13]. В связи с вышесказанным, исследование культуры домостроительства должно проводиться в контексте развития этнической истории. Кроме того, многочисленные исследования указывают на то, что традиции домостроительства связаны с множеством других феноменов культуры этноса – языком, фольклором, народным знанием и обы-

чаями [1; 28, с. 24–36 и др.], – что ставит задачу обращения к общей культурной традиции изучаемого народа.

Культура домостроительства находит выражение, в первую очередь, в сооружении строений жилого, хозяйственного, религиозного, общественного назначения и включает в себя весь набор знаний и навыков, выработанных народом в данной сфере. Наиболее полно все полезные строительные знания и навыки, накопленные традицией, реализуются при возведении жилого дома, а также хозяйственных построек.

Татары Тарского Прииртышья дома строили, как правило, самостоятельно, привлекая в помощь родственников и соседей, лишь в редких случаях обращались за помощью к профессиональным плотникам. Начиная строительство и занимаясь им глава семьи, мужчина, будущий хозяин дома.

Большинство построек тарские татары возводили из сосны (*карагай*), реже из березы, осины, кедрача или лиственницы. Для заготовки строевого леса использовали ручные пилы (*эрэ*), топоры (*полта*), сани или телегу, веревки (*аркан*). Период заготовки бревен для сруба – февраль–март, старались успеть до того, как сойдет снег. Бревна вывозили на лошадях, как волоком, так и на телегах. Для строительства дома готовили так называемый «красный лес» (сосна), так как, в интерпретации информантов, это «самое крепкое дерево» [17]. Лишь немногие срубы были из осины или березы. Старались их не использовать, потому что «такое дерево непрочное и простоит только 40–50 лет» [17].

Выбирали ровные стволы деревьев диаметром от 15 до 22 см. Бревна шкурили и высушивали в течение лета, причем хранили дерево так, чтобы оно не касалось земли и не впитывало влагу. Лиственницу использовали, как правило, для изготовления нижних венцов и в качестве столбов фундамента. Иногда хвойный лес привозили или покупали сплавной лес, все зависело от географии района расселения. Так, в д. Берняжке информант Назыров Фатих Исмаилович указал, что березу и осину заготавливали самостоятельно, тогда как сосну покупали. Он сам в 1938 году купил сосновый сруб за 400 рублей [18]. В с. Уленкуль информанты также указали, что покупали сосну в «лесных волостях» (близ г. Тара – Окунево, Муромцево). Покупали, как круглый лес, так и уже готовые распиленные доски [16]. Для распилки

бревно окантовывали с одной стороны топором, затем отмеряли необходимую толщину досок. По разметкам прибивали шнурок или прочерчивали линию реечкой и начинали пилить двуручной пилой. Для сушки леса сооружали специальный навес, на котором доски раскладывали в горизонтальном положении, прокладывая их рейками, чтобы поступал воздух.

Помимо дерева в строительстве татары широко использовали глину, для устройства кровли – дерн, бересту, осоку и камыш. Глину добывали, как правило, по берегам озер. Дерн (*юн*) вырезали квадратами на «хорошем» лугу ножом или лопатой. Встряхивали от земли и увозили на телеге домой. Бересту заготавливали с конца мая по вторую декаду июня, так как потом ее невозможно резать, она становится сухой. Для заготовки специально выбирали дерево без сучков. Осоку косили и собирали матерчатými перчатками – голицами (*ёргак*), чтобы не порезаться. Собирали в один сноп (*кюльта*), диаметром 20 см. Так же поступали с камышом (*комыш*) и соломой (*сулам*). После подготовки материала приступали непосредственно к возведению построек различных типов.

В исследуемый период у татар Тарского Прииртышья по типу конструкции выделяются каркасно-столбовые и срубные постройки [23, с. 22–26; 24, с. 28–38]. Наиболее архаичным для изучаемого региона является жилище каркасно-столбовой конструкции, что подтверждается археологическими материалами [8, с. 209–214; 9, с. 454; 29, с. 18–20]. Полевые этнографические материалы указывают на то, что Татары Тарского Прииртышья традиционно использовали временные жилые сооружения типа балагана, землянки, срубные полуземлянки, постройки из пластов дерна, «мазанки» (*сылан*), дома из глины (саманный дом). Наличие подобных построек было определено, на наш взгляд, прежде всего, характером традиционных хозяйственных занятий местного населения (полукошечное скотоводство, охота, рыболовство), которые требовали сезонных миграций. При таком способе ведения хозяйства требовалось жилище, для возведения которого не нужно было больших затрат времени и строительных материалов. Кроме того, материал для постройки должен был быть доступен в необходимых количествах. По-видимому, в связи с этим у данной группы населения изначально не

получило развитие срубное жилище, возведение которого требовало времени, определенных навыков, набора специальных инструментов и т. д. Хотя срубная техника, судя по всему, была знакома населению Тарского Прииртышья еще до прихода русских. Об этом говорит устойчивая традиция **XVII–XVIII веков сооружения срубных** построек над могилами, фиксирующаяся археологами [10, с. 28–31]. По сведениям путешественников, известно, что у сибирских татар еще до прихода русского населения существовало жилище в виде четырехугольного сруба [2, с. 143, 161; 7, с. 89; 30, с. 44–45].

Вплоть до конца **XVIII века у татар** отмечались сезонные зимние и летние поселения, причем относительно стационарными были только зимние. Переход к оседлому образу жизни, начавшийся со второй четверти **XVII века** окончательно прекращается к исследуемому периоду [11, с. 230]. Однако еще в **XIX веке** широко применялись в строительстве такие материалы, как глина, земля и дерн. У татар довольно долго бытовала традиция возведения жилищ каркасно-столбовой конструкции, требующих меньших затрат строевого леса, нежели срубы. Наиболее бедные татары жили в небольших землянках (*йер ой*), сооружениях каркасно-столбовой конструкции, углубленных в землю. Вплоть до середины **XX века у татар, проживающих на территории** Тарского Прииртышья, фиксируются сооружения, углубленные в землю – землянки, дома, сложенные из дерна, а также постройки с плетеными стенами. Однако меняется их функциональное значение. В этот период традиционные технологии домостроительства широко использовались для сооружения хозяйственных построек [25, с. 323].

Одним из ключевых факторов формирующей культуру домостроительства народа является ландшафт. Тарское Прииртышье в природно-географическом плане представляет собой переходную зону от тайги к лесостепи, что не могло не наложить свой отпечаток на формирование культуры домостроительства татар, проживающих здесь. Наличие разных природно-географических зон выражено, прежде всего, в характере используемого строительного материала и, соответственно, типов построек. Так, если в зоне, близкой к таежной, не было особых проблем с заготовкой строительного леса, то ближе

к лесостепной полосе использование большого количества дерева при строительстве зачастую было затруднено.

Таким образом, население Тарского Прииртышья использовало наиболее оптимальные варианты жилища для данной природно-климатической зоны и типа ведения хозяйства. С проникновением в Сибирь русского населения ситуация начинает изменяться. В **XIX веке у татар** существовали стационарные населенные пункты, действующие круглогодично, что требовало в свою очередь жилища, которое бы функционировало на протяжении длительного периода времени и отвечало природно-географическим условиям региона. Таковым являлось простое по конструкции однокамерное срубное жилище. Помимо функциональной эффективности немалую роль играл и фактор престижности данного вида жилища, так как его могли позволить себе только крепкие хозяева. Строительство сруба русского типа у татар Тарского Прииртышья постепенно набирало силу и к концу **XIX века практически вытеснило** традиционные типы жилища. Развитие этой тенденции напрямую зависело от региона расселения, проходило более активно на территории, близкой к таежной зоне, богатой лесами, пригодными для возведения сруба.

Н. А. Томилов пишет: «В **XIX веке** произошли изменения в жилищах тоболо-иртышских татар, что выразилось в уменьшении числа бревенчатых юрт (построек не только без подпола, но часто и без дощатого пола), в увеличении количества изб, в появлении отдельных пятистенных и даже двухэтажных домов. Хотя постройки типа русских изб появлялись у татар и ранее» [26, с. 30].

В материалах переписи 1897 года встречаются понятия «избушка» и «дом», с указанием материала из которого сооружение построено. Так, из 1340 зафиксированных домов в поселениях татар Тарского Прииртышья: 1070 (79,8 %) построек – «из дерева»; 242 (18,1 %) – «из бревен»; 15 (1,1 %) – землянок; 1 (0,1) – «из глины»; в 12 (0,9 %) случаях – материал не указан [3]. Постройки «из дерева» значительно доминировали, и были отмечены почти во всех населенных пунктах (кроме выселка Апталовского и юрт Сеитовских, где однако отмечены дома «из бревен») [4]. Дома «из бревен» фиксировались в д. Черналы, д. Каракуль, ю. Себеляковские, ю. Сеитовские,

д. Таксай, ю. Темшиняковские, д. Ишейкина, ю. Куйгалинские, д. Нарыпкина, ю. Туралинских [5]. Таким образом, можно говорить о том, что к концу XIX века у тарских татар окончательно сложилась традиция возведения срубных жилищ.

Для возведения сруба татары использовали круглые очищенные бревна. Внутренние перегородки из бруса стали использовать только с середины XX века и лишь в редких случаях. Количество венцов в срубе колебалось в промежутке между 12 и 21, в зависимости от толщины строевого леса. Средняя высота жилища достигала 2–2,5 м.

Самым распространенным способом соединения бревен в венцы являлся прием – «в угол». Следует отметить, что на развитии срубной техники, используемой татарами Тарского Прииртышья, несомненно, сказалось влияние русской домостроительной традиции. Этим объясняется отсутствие в языке исследуемой группы специальной терминологии для определения различных видов рубки углов сруба. Татары используют русские термины «в охлуп», «в охряпку», «в обло», «в лапу», «в крюк», «в чашечку» для обозначения различных способов рубки.

Итак, в результате развития домостроительной техники у изучаемой группы населения сложились следующие формы вырубки на концах бревен: с остатком – «в охлоп», «в чашу», «в охряп», без остатка – «в лапу» и «в крюк». Причем преобладающей была техника рубки «в угол с остатком». Кроме того, у изучаемого населения практически не сложилась техника наращивания бревна. Так, к примеру, пристройки просто плотно подгоняли к срубу, в некоторых случаях для соединения бревен использовали металлические скобы.

Бревна сруба обязательно конопатили мхом, для утепления. Иногда для этих целей использовали льняной ворс. Пазы между бревнами промазывали глиной, иногда смесью глины и конского волоса. Встречались случаи, когда сруб обмазывали полностью, возможно, это связано с использованием в строительстве неровного дерева. Со второй половины XX века фиксируются случаи, когда сруб снаружи обивали сосновыми досками.

После возведения стен постройки занимались устройством крыши. У татар Тарского Прииртышья встречалось три варианта устройства крыши: плоская или слабо пологая, двускатная

и четырехскатная. Широко были распространены как двускатные, так и четырехскатные крыши. Крыши на два ската требовали меньше затрат сырья и следовательно были более доступными. Кроме того, за счет устройства двускатной крыши увеличивалась площадь чердачного помещения [12, с. 76].

Плоская или слабо пологая крыша являлась наиболее архаичной из всех перечисленных типов. В переписи 1897 года отмечены «дома без крыши», по-видимому, переписчики так обозначали дома с плоской крышей. Так, например, в д. Черналинской из 54 домов 14 были «без крыши» [6]. В исключительных случаях данная традиция дожила до второй половины XX века. Так, в селе Уленкуль в 1975 году был зафиксирован дом с плоской крышей с покрытием из бересты и земли [15].

В XX веке у татар происходило развитие этого элемента жилища в сторону двускатной или четырехскатной конструкции. По-видимому, устройство двускатной крыши использовалось татарами ранее, чем четырехскатной. Такое устройство крыши зачастую встречалось у земляных сооружений и построек с плетеными стенами. Появление четырехскатных крыш, возможно, связано с развитием горизонтальной планировки жилища и появлением «круглых» домов, с одинаковым размером длины и ширины постройки.

В XX веке изучаемое население использовало два варианта устройства несущей конструкции крыши: самцовый и стропильный. Основу самцовой конструкции образовывали следи, врубаемые в самцы, образующие фронтоны постройки. Однако подобное устройство крыши не получило широкого распространения у татар Тарского Прииртышья, но было известно и применялось в некоторых случаях. Наибольшее распространение в районе Тарского Прииртышья среди татар имела стропильная конструкция, устроенная на связях. Основой стропильной конструкции крыши являются стропила, которые устанавливались попарно на расстоянии 2–2,5 м. В коньке стропила соединялись между собой деревянным клином. Таким же крепежным способом или зарубкой, они закреплялись на связях.

Определенный интерес представляет устройство и материал кровли крыши (*уйбаши*). В конце XIX века татары использовали в качестве материала кровли тес, дрань, «дерево», бере-

зу, дерн, землю или солому. Встречались также дома без настила. Так, по материалам переписи 1897 года из 1340 описанных домов тесом было крыто 432 (32,2 %), деревом – 327 (24,4 %), дранкой – 182 (13,6 %), дерном – 99 (7,4 %), землей – 68 (5,1 %), берестой – 53 (4 %), соломой – 1 (0,1 %), также встречались дома без настила – 152 (11,3 %) и в 26 (1,9 %) случаях не указан материал кровли [3]. Данные указывают на то, что в большинстве случаев дома старались крыть тесом, который отличался долговечностью и практичностью. Тёс готовили из колотых бревен, его длина в среднем составляла около 1 м. Предпочтительней были сосна (*карагай*), нежели осина (*авсак*), так как она гниет быстрее. Клали тёс вертикально, начиная снизу, слегка сдвигая верхний ряд на нижний, таким образом исключая попадание влаги. Тесины укладывали в два слоя, не вплотную одна к другой, а так, чтобы верхняя доска закрывала стык между двумя нижними. Этот способ у русских называли «вразбежку» или «победному» [12, 75], так как он позволял экономить материал. Очевидно, что не все могли позволить себе крыши из теса. Средняцкие хозяйства использовали более доступные деревянные материалы, например – дрань. Бедняки же пользовались общедоступными традиционными материалами, которые, однако, требовали частого обновления – дерном, берестой, землей и соломой. Заготовленные куски дерна квадратной формы укладывали землей вверх, травой внутрь, на крышу, начиная снизу, чтобы каждый последующий квадрат прикрывал нижний. Уложенный таким образом дерн покрывали слоем белой глины – *ак болцук*. По словам информантов, покрытие крыши снопами высушенной осоки или камыша, было намного предпочтительнее, чем дерном. Снопы высотой до 1 м при этом вязали веревкой из конопли и укладывали на крышу, привязывая к вертикально прикрепленным рейкам каркаса крыши. При использовании бересты ее укладывали кусками друг на друга, снизу вверх, белой стороной внутрь. Сверху набивали тоненькие рейки (*цилдыр*) из сосны или осины. Берестяные полотна были разного размера, строгого стандарта не было. Отверстия в бересте затыкали травой или ключьями овечьей шерсти (*куй йены*).

Таким образом, к концу XIX – началу XX века происходит частичное вытеснение традиционных материалов кровли более практичным

деревянным покрытием. Однако еще в середине XX века встречались случаи использования в жилых постройках дерна или бересты. В устройстве хозяйственных сооружений эта традиция бытовала вплоть до конца XX века. В последние десятилетия XX века основным материалом кровли домов у татар становятся современные материалы фабричного производства: шифер, толь, рубероид, железо и т. д.

Довольно поздно в постройках татар Тарского Прииртышья получает развитие фундамент. Вплоть до середины XX века дома ставили прямо на землю, изредка подкладывая под сруб камни, если встречались неровности почвы. В некоторых случаях сруб ставили на бревна, которые обычно горизонтально укладывали поперек стен. Обычно таких бревен было два, три или четыре, но число их могло достигать шести или восьми. В некоторых случаях бревна могли укладывать под продольными стенами. В д. Черталы в некоторых случаях информанты указали, что дома ставили на фундамент из трех венцов бревен, вкопанных в землю [13].

Во второй половине XX века получает развитие так называемый столбовой фундамент. Бревна из лиственницы диаметром 0,23–0,24 м, длиной 1,2–1,5 м вкапывали вертикально на глубину до 0,7 м, затем забивали в землю, оставляя на поверхности около 0,1 м. Как правило, их располагали по углам сруба, иногда дополнительно вдоль длинных стен. В нижнем венце сруба вырубались пазы для соединения со сваями фундамента. Для надежности сруб могли крепить к столбам железными скобами. В 60–70 годы XX века начинают применять ленточно-бетонный тип фундамента, углубленный в землю на 0,5–0,7 м. Необходимо отметить, что от характера фундамента зависела высота такого элемента жилища, как крыльцо (*ауле*). У татар тарского Прииртышья широко было распространено двустороннее устройство крыльца, как правило, крытого навесом.

Зафиксированы случаи, когда под углы сруба клали монеты. Так, например, в д. Черталы информант Шагеев Дамир Хайреевич указал, что, когда строили его дом в 1946 году, в каждый угол нижнего венца были уложены монеты достоинством 10, 15 и 20 копеек – считалось, что это принесет хозяину богатство [14]. Скорее всего, данный элемент строительной обрядности является заимствованным у русского населения.

В конце XIX – начале XX века в жилищах изучаемого населения бытовали глинобитные или земляные полы, иногда встречался настил из колотых бревен (полубревен). К середине XX века в домах татары стали использовать деревянные полы, как правило, однорядные, хотя встречались и двухрядные. В качестве материала покрытия использовали сосновые доски толщиной до 40 мм, которые укладывали на продольно лежащие балки, диаметром около 0,15 м, как параллельно относительно покрытия потолка, так и перпендикулярно. Опорные балки могли просто укладывать на землю или же класть на столбы. Расстояние между полом и землей обычно колебалось в пределах 0,15–0,3 м, но в отдельных случаях могло достигать 0,6 м.

Начиная со второй половины XX века в домах татар Тарского Прииртышья широко встречается погреб, который устраивали глубиной до 2 м. Для сооружения погреба копали яму размером 2×3 м. Стены и пол, как правило, оставляли земляными, но иногда пол бетонировали. По углам верхней части ямы делали углубления в стороны, в которые ставили деревянные чурочки, на которых держался настил пола. По словам информантов, «это делалось для меньшего осыпания пола» [20].

Для строительной традиции татар Тарского Прииртышья характерны два способа устройства потолочного перекрытия. При первом – потолок полностью перекрывался поперечными балками из колотых бревен (полубревен) или тесом, которые укладывали прямо на стены. Такое устройство потолка было больше характерно для строений с плетеными стенами и сооружений, углубленных в землю. Во втором случае использовали конструкцию перекрытия, образованную матицей – продольной несущей балкой, врубленной в последний венец сруба, которую татары в исследуемом регионе называли – *озалык*, хотя в некоторых случаях использовали термины «*матица*», «*матка*». В каркасных постройках матица представляла собой брус, скрепляющий опорные столбы, в глинобитных постройках ее клали прямо на стену, иногда на вертикально вкопанные в грунт вдоль стен бревна. Число таких «матиц» в строении могло колебаться от 1 до 3. Матицу могли располагать как продольно, так и поперечно относительно входа в жилище. В двухкамерных и многокамерных жилищах в некото-

рых случаях встречались оба варианта в разных комнатах.

В любом из рассмотренных вариантов потолочное перекрытие сверху пересыпали землей, соломой или опилками, иногда высота просыпки достигала 0,25 м. Потолок снаружи и изнутри промазывали глиной на несколько слоев. В более поздние периоды прокладывали толью.

Исследование жилищ татар Тарского Прииртышья показало, что количество окон в доме в среднем составляло от 3 до 8, их поднимали на высоту 0,65–0,7 м от пола. Количество окон напрямую зависело от типа, планировки и размеров постройки. Если в земляных жилищах и мазанках часто окно могло быть только одно, то в двухэтажных постройках их количество доходило до 10. Наиболее распространены были косячатые (то есть имеющие косяки и раму) глухие, двухрядные окна. Летом одну раму обычно вынимали. Одностворчатые окна появляются только с середины XX века. Переплеты, как правило, имели деление на 5–6 стекол. Ставни в домах татар тарского Прииртышья появляются по большей части только во второй половине XX века, причем изготавливали как одностворчатые, так и двухстворчатые ставни.

Количество дверных проемов в жилище обычно составляло от 1 до 3. Основой дверного проема была коробка, изготовленная из доски шириной 30–40 мм, в среднем размер входного дверного проема составлял 1,65×0,85 м. Размеры межкомнатных дверных проемов были значительнее и составляли 1,8×0,9 м. Обычно нижняя часть входного дверного проема устраивалась из толстой плахи, которая служила порогом, его высота составляла порядка 80–90 мм. В постройках использовали однопольные (одностворчатые) двери, навешанные на металлические петли.

Развитие домостроительной техники во второй половине XX века связано с внедрением в сельское строительство новых материалов и, прежде всего, их доступностью для большинства населения. Эти процессы коснулись татар только в 1960-е годы. Именно в это время начинается повсеместное переустройство кровли и устройство деревянных полов. Начиная с 1970-х годов несущая конструкция потолочного перекрытия, то есть балка, или матка, скрывается ровным дощатым потолком, образуя так называемый «чистый потолок».

В последней трети XX века в татарских деревнях появляются дома, сложенные из кирпича, а также типовые дома «на двух хозяев». В это время нередко встречались случаи, когда татары покупали дома у русского населения. Например, в д. Берняжка Большереченского района Омской области из 31 описанного дома, 9 были приобретены в близлежащих русских деревнях Новологиново, Старологиново и Секменево [19].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что традиционное жилище тарских татар, сохранявшее свою актуальность в культуре домостроительства вплоть до конца XIX – начала XX века, уступает место более практичному в условиях смены хозяйственной деятельности и перехода к стационарному проживанию срубному однокамерному жилищу. В исследуемый период можно говорить о функционировании уже сформировавшейся относительно новой для татарского населения традиции возведения срубных построек. В то же время некоторые элементы традиционного жилища (материал кровли, отсутствие фундамента и т. д.) сохранялись и продолжали воспроизводиться. Непосредственное влияние на динамику культурных изменений, связанных с технологией домостроительства, оказывал природно-географический фактор. В зоне близкой к таежной эти процессы были более динамичны, чем в лесостепной, что выразилось в сохранении здесь традиционных типов жилых строений вплоть до второй половины XX века. Параллельно со срубным жилищем продолжали функционировать как жилые строения землянки, мазанки, дома из дерна, одна-

ко они постепенно теряли свою первоначальную функцию. Уже со второй половины XX века традиционные постройки татарами Тарского Прииртышья использовались только как хозяйственные сооружения или временное жилье.

Значительное влияние на традицию домостроительства татар оказали давние контакты с русским населением. В пользу заимствования срубной техники говорит тот факт, что в языке тарских татар не сложилось специальной терминологии, связанной с технологией строительства и названием отдельных конструктивных деталей. В то же время, некоторые элементы данной сферы культуры были заимствованы у татар Поволжья, активно переселявшихся в населенные пункты тарских татар начиная с середины XIX века, которые также в этот период уже использовали срубную технику возведения жилища [22, с. 220–221]. Возможно, на развитие культуры домостроительства у изучаемого населения оказало влияние такое явление, как билингвизм. Исчезновение языкового барьера в общении с соседними этническими группами расширило обмен культурными ценностями [21, с. 19]. Кроме того, в XX веке происходит обогащение домостроительной культуры за счет надэтнического профессионального строительного знания.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что в исследуемый период культура домостроительства татар Тарского Прииртышья, несмотря на некоторую трансформацию, сохранила в общих чертах традиционные элементы вплоть до конца XX века.

Литература

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.
2. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. – Ч. 2. – 187 с.
3. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска». – Ф. 417. – Оп. 2. – Д. 2151, 2153, 2154, 2156–2161, 2163, 2166–2175, 2177 – 2180, 2268–2276, 2278, 2279, 2281 – 2285.
4. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска». – Ф. 417. – Оп. 2. – Д. 2151, 2279.
5. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска». – Ф. 417. – Оп. 2. – Д. 2158, 2166, 2168, 2171–2173, 2273, 2276, 2278, 2279, 2281, 2285.
6. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска». – Ф. 417. – Оп. 2. – Д. 2285.
7. Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России: этнограф. очерки. – СПб., 1895. – 136 с.
8. Здор М. Ю., Корусенко М. А. Отопительные устройства аборигенного населения нижнего течения р. Тара (по мат-лам поселений Алексеевка-51 и Черталы-1) // Интеграция археол. и этногр. исслед.: сб. науч. тр.: в 2 т. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – С. 209–214.

9. Конилов Б.А. Среднее Прииртышье // Очерки культурогенеза народов Зап. Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – Т. 1, кн. I. – С. 452–454;
10. Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX веках: Опыт анализа структуры и содержания // Этногр.-археол. комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 7. – 192 с.
11. Корусенко С. Н. Расселение татар Тарского Прииртышья (XVIII–XX века) // Этногр.-археол. комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск, 2006. – Т. 9. – С. 225–256.
12. Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 144 с.
13. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 102–3. – Л. 15, 46, 72.
14. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 102–3. – Л. 198–212.
15. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 1–21. – Л. 222–223.
16. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 144–6. – Л. 25–27.
17. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 90–3. – Л. 261–266.
18. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 90–3. – Л. 283–288.
19. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 90–5. – Л. 638–752.
20. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Ф. I. – Д. 94–1. – Л. 42.
21. Пранда А. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры // Совет. этнография. – 1972. – № 2. – С. 17–25.
22. Татары. – М., 2001. – 583 с.
23. Титов Е. В. Жилище татар Тарского Прииртышья в конце XIX–XX веков // Ом. науч. вестн. – Омск, 2007. – Вып. 4. – С. 22–26.
24. Титов Е. В. Усадебный комплекс татар Тарского Прииртышья в середине XIX–XX века // Культурология традиционных сообществ: сб. науч. тр. – Омск, 2007. – С. 28–38.
25. Титов Е. В. Хозяйственные постройки тарских татар конца XIX–XX века // Интеграция археол. и этногр. исслед.: сб. науч. тр. – Одесса; Омск, 2007. – С. 320–323.
26. Томилов Н. А. Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI–XIX века // Этногр.-археол. комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 21–36.
27. Томилов Н. А. Проблемы этнической истории (по мат-лам Зап. Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 222 с.
28. Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на мат-лах балканских загадок) // Тр. по знаковым системам. – Тарту, 1978. – Вып. 10. – С. 24–36.
29. Цуканов Е. Г. Жилище Черталинского поселения // Прошлое Прииртышья. – Омск, 1990. – С. 18–20.
30. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1899. – 308 с.
31. Rapoport A. House Form and Culture. – L., 1968. – P. 253.

References

1. Baiburin A.K. Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian [Dwelling in rites and ideas of Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 188 p. (In Russ.).
2. Georgi I.G. Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov [Description of all dwelling in the Russian state peoples]. St. Petersburg, 1799, part 2, 187 p. (In Russ.).
3. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tiumeskoi oblasti “Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol’ska” [The office of state of Tyumen area “Public Archive of Tobolsk city”]. F. 417. Op. 2. D. 2151, 2153, 2154, 2156–2161, 2163, 2166–2175, 2177–2180, 2268–2276, 2278, 2279, 2281–2285. (In Russ.).
4. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tiumeskoi oblasti “Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol’ska”. F. 417. Op. 2. D. 2151, 2279. (In Russ.).

5. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tiimeskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska". F. 417. Op. 2. D. 2158, 2166, 2168, 2171–2173, 2273, 2276, 2278, 2279, 2281, 2285. (In Russ.).
6. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tiimeskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska". F. 417. Op. 2. D. 2285. (In Russ.).
7. El'nitskii K. Inorodtsy Sibiri i sredneaziatskikh vladenii Rossii: Etnograficheskie ocherki [Foreigners of Siberia and Central-Asian possessions to Russia: Ethnographical descriptions]. St. Petersburg, 1895, 136 p. (In Russ.).
8. Zdor M.Iu., Korusenko M.A. Otopitel'nye ustroistva aborigennogo naseleniia nizhnego techenia r. Tara (po materialam poselenii Alekseevka-51 i Chertaly-1) [The heating installations of the aboriginal population of lower flow Tara river (based on materials the settlements of Alekseevka-51 and Chertaly-1)]. *Integratsia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovani: sbornik nauchnykh trudov: v 2 t. [Integrating archaeological and ethnographic research: the collection of the scientific works: in 2 vol.]*. Irkutsk, IrGTU Publ., 2013, vol. 1, pp. 209–214. (In Russ.).
9. Konikov B.A. Srednee Priirtysh'e [The middle Irtysh region]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri [The descriptions of cultural genesis of the peoples of West Siberia]*. Tomsk, Tomsk University Publ., 1994, vol. 1, part I, pp. 452–454. (In Russ.).
10. Korusenko M.A. Pogrebal'nyi obriad tiurkskogo naselenia nizov'ev r. Tara v XVII–XX vekakh: Opyt analiza struktury i sodержania [The burial ritual of the Turk population of lower Tara river in XVII–XX centuries: An account of structure and contents analysis]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekxy: Problemy kul'tury i sotsiuma [Ethnographo-archaeological complexes: Problems of Culture and Socium]*. Novosibirsk, 2003, vol. 7. 192 p. (In Russ.).
11. Korusenko S.N. Rasselenie tatar Tarskogo Priirtyshia (XVIII–XX veka) [Settling of the Tatars of Tara Irtysh region (XVIII–XX centuries)]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekxy: Problemy kul'tury i sotsiuma [Ethnographo-archaeological complexes: Problems of Culture and Socium]*. Omsk, 2006, vol. 9, pp. 225–256. (In Russ.).
12. Mainicheva A.Iu. Arkhitekturno-stroitel'nye traditsii krest'ianstva severnoi chasti Verkhnego Priob'ia [Architectura and construction traditions of the peasantry of the northern part of upper Ob region: the problem of evolution and contacts]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. 144 p. (In Russ.).
13. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of the museum of archaeology and the ethnography of Omsk state university]. F.I. D. 102-3. L. 15, 46, 72. (In Russ.).
14. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. F.I. D. 102-3. L. 198–212. (In Russ.).
15. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. F.I. D. 1–21. L. 222–223. (In Russ.).
16. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. F.I. D. 144-6. L. 25–27. (In Russ.).
17. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. F.I. D. 90-3. L. 261–266. (In Russ.).
18. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. F.I. D. 90-3. L. 283–288. (In Russ.).
19. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. F.I. D. 90-5. L. 638–752. (In Russ.).
20. Arhive Muzeia arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta. F.I. D. 94–1. L. 42. (In Russ.).
21. Pranda A. Vliianie bilingvizma na nekotorye iavleniia narodnoi kul'tury [Influence of bilingualism on some phenomena of people culture]. *Sovetskaiia etnografiia [Soviet ethnography]*, 1972, no 2, pp. 17–25. (In Russ.).
22. Tatory [Tatars]. Moscow, 2001. 583 p. (In Russ.).
23. Titov E.V. Zhilishche tatar Tarskogo Priirtysh'ia v kontse XIX–XX veka [Dwelling of the tatars of Tara Irtysh region in the late XIX–XX century]. *Omskii nauchnyi vestnik [Omsk scientific herald]*. Omsk, 2007, iss. 4, pp. 22–26. (In Russ.).
24. Titov E.V. Usadebnyi kompleks tatar Tarskogo Priirtysh'ia v seredine XIX–XX veka [Farmstead complex of the tatars of Tara Irtysh region in the middle XIX–XX century]. *Kul'turologiia traditsionnykh soobshchestv: Sbornik nauchnykh trudov [Kulturologiya of the traditional associations: Collection of scientific works]*. Omsk, 2007, pp. 28–38. (In Russ.).
25. Titov E.V. Khoziaistvennye posroiiki tarskikh tatar kontsa XIX–XX veka [Economic buildings of the tatars of Tara region in the late XIX–XX century]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovani: Sbornik nauchnykh trudov [Integrating archaeological and ethnographic research: the collection of the scientific works]*. Odessa; Omsk, 2007, pp. 320–323. (In Russ.).
26. Tomilov N.A. Poseleniia sibirskikh tatar v trudakh uchenykh i puteshestvennikov kontsa XVI–XIX veka [Siberian Tatar settlement in works of scholars and travellers of the XVI–XIX century]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekxy: Problemy kul'tury i sotsiuma [Ethnographo-archaeological complexes: Problems of Culture and Socium]*. Omsk, 2004, vol. 8, pp. 21–36. (In Russ.).

27. Tomilov N.A. Problemy etnicheskoi istorii (po materialam Zapadnoi Sibiri) [Problems of ethnic history (based on materials West Siberia)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1993. 222 p. (In Russ.).
28. Tsiv'ian T.V. Dom v fol'klornoi modeli mira (na materialakh balkanskikh zagadok) [House in the folklore model of peace (on the materials of Balkan riddles)]. *Trudy po znakovym sistemam [Transactions along the sign systems]*. Tartu, 1978, iss. 10, pp. 24–36. (In Russ.).
29. Tsukanov E.G. Zhilishche Chertalinskogo poselenia [Dwelling Of chertalinsk settlement]. *Proshloe Priirtysh'ia [Past of Irtysh region]*. Omsk, 1990, pp. 18–20. (In Russ.).
30. Iadrintsev N.M. Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie [Siberian foreigners, their way of life and contemporary position]. St. Petersburg, 1899. 308 p. (In Russ.).
31. Rapoport A. House Form and Culture. Leningrad, 1968, p. 253. (In Eng.).

УДК 008